

ЗНАМЕНИТАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА ПРИЗНАЛАСЬ, ЧТО ЖИТЬ ЕЙ СЕЙЧАС ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ, И ПОДЕЛИЛАСЬ СЕКРЕТОМ, КАК ЭТОГО ДОСТИЧЬ

Прошлой осенью Виктория Самойловна отметила 75-летие и наконец собралась в город своего детства, чтобы впервые представить творческий вечер в Большом зале Филармонии.

Зал этот для нее особенный, ведь Вика училась в Ленинграде по классу фортепиано — сначала в музучилище, затем в Консерватории — и всю жизнь мечтала сыграть в БЗФ. Музыкантом она не стала, как и врачом (одно время собиралась поступать в медицинский), зато, как она сама говорит: «Я стала классиком». И в устах всегда ироничной Токаревой это высказывание не звучит пафосно.

Выйдя замуж, она переехала в Москву, где, к удивлению даже друзей и близких, стала писать прозу. Одно время работала на «Мосфильме», после чего поступила на сценарный факультет ВГИКа и написала несколько эпохальных сценариев — к фильмам «Мимино», «Джентльмены удачи», «Шла собака по роялю», а в 2000 году на Каннском кинофестивале получила приз «За вклад в литературу и кино».

В последнее время новые книги Виктории Самойловны выходят не так часто, но активно переиздаются старые, а ее сборник ранее не публиковавшихся рассказов «Короткие гудки» вошел в топ-листы продаж 2012 года.

Виктория ТОКАРЕВА:

Я вижу какое-то движение к человеческому облику

Виктория Токарева — одна из любимейших писательниц поколения 1970-х.

РАННЯЯ, ПОЗДНЯЯ, ЛУЧШАЯ...

— Виктория Самойловна, вам самой, как читательнице, больше нравится ранняя Токарева или то, что пишете сейчас?

— В каждой есть что-то хорошее (улыбается). самого любимого произведения у меня, пожалуй, нет, но мне нравится повесть «Старая собака». Я ее написала в расцвете своей жизни, и там есть все, что бывает с человеком в расцвете: надежда, любовь, высокие чувства... То, что пишу сейчас, для себя называю «поздняя Токарева» — там тоже много чего есть интересного. Все мои прежние вещи были о любви, в основном о несчастной, потому что счастливая любовь не поддается художественному осмыслению. Если ты счастлив — иди домой, и все, больше никому не интересно. Интересно ведь именно бурное течение вод. А «поздняя Токарева» вдруг поняла, что помимо любви, счастливой или несчастной, есть еще очень много интересного, о чем можно думать и говорить, — и это преимущество среднего возраста. Так что если кому хочется узнать о преимуществах «третьего возраста» — почитайте мои книги (улыбается).

— Жанр творческих вечеров после 10 — 15 лет забвения нынче возродился и находится на подъеме...

— Есть люди, которые это очень любят, как зрители, так и артисты. Вот моя подружка Лариса Рубальская — она на

своих творческих вечерах просто расцветает. Есть какая-то категория публики, что тоже обожает творческие встречи, ответы на записки, на вопросы, душевный разговор, и, подчиняясь просьбам продюсеров, я иногда соглашаюсь выйти на сцену. Творческий вечер — это очень большой эмоциональный выброс сил и энергии, хотя это и огромный адреналин, и я сама тоже испытываю замечательное чувство праздника.

— Творческий вечер в Большом зале Санкт-Петербургской государственной филармонии имени Шостаковича для вас — эпохальное событие?

— Во-первых, это зал Дворянского собрания, место удивительное, историческое, а не только Большой зал Филармонии. Во-вторых, что меня удивило — пришло много народа. При этом меня не покидает постоянное ощущение, что я выдаю себя не за ту, кто я есть (улыбается). И мне не совсем понятно, чем вызван такой интерес к моей персоне и моим рассуждениям в ответе на ту или иную записку... Честно говоря, я не люблю встречи со зрителями, потому что перед ними волнуясь, что опять скажу глупость. Как говорит мой знакомый: «Токарева иногда говорит глупости».

— Например, какие?

— Если бы я знала, я бы их не говорила.

— Что-нибудь про политику, про власть?!

— И это тоже! Хотя я политикой единственно, когда интересовалась, — в нача-

ле перестройки, на той волне новых идей, новых людей...

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ЗА ЗАБОРОМ МОЕГО УЧАСТКА?

— Виктория Самойловна, вы уже очень давно уехали из Ленинграда. Что вас сейчас связывает с нашим городом?

— Здесь живет моя родная сестра, здесь живет мой любимый племянник, и здесь осталась моя молодость, юность. До 22 лет я жила здесь, и это было замечательное время.

— Над чем вы сейчас работаете — в прозе, в кино?

— В кино давно уже толком не работаю, сценариев не пишу, а те фильмы, что выходят по мотивам моих произведений, называются на нынешнем сленге «адаптациями». То есть их создают другие люди по моим рассказам и повестям, и я к этому отношения не имею. И новых «Джентльменов удачи» с Сергеем Безруковым я не видела, не знаю, что там получилось...

Что касается новых рассказов и повестей, то все идет своим чередом. Как всегда, я не тороплю события. Когда я только начала писать, мне Сергей Владимирович Михалков, помнится, подарил книгу со своей подписью: «Пиши-пиши, но не спеши», что значит — не халтурь... Вот я и не спешу. Просто какое-то время назад рухнуло издательство, с которым я сотрудничала, поэтому процесс застопорился. Но мне предлагают свои услуги другие издательства, и уже практически готова книжка «Так плохо, как сегодня».

— Согласны ли вы с такой теорией, что человек не может всегда жить на подъеме, что у одного удачной получается первая половина жизни, у другого — вторая?..

— Так хорошо, как сегодня, я не жила никогда. Лично я. Во-первых, я всю жизнь хотела иметь дом на земле, потому что очень не люблю жить на этаже... Когда

человек вздернут на высоту, не «заземляется» ногами, мне кажется, в нем быстрее накапливаются болезни, неврозы... Все-таки человек должен жить на земле. У меня есть кусок моей собственной земли, на котором стоят 40 берез и 40 елок, у меня есть личный еж, который выкопал нору, есть личная птица, которая свила гнездо у меня на заборе и прилетает каждый год, у меня есть собака по имени Фома и кот по имени Кузьма. Я сейчас не говорю о семье и близких, хотя понятно, что это не менее важно, чем собака...

Что делается за забором моего участка, я не всегда знаю, иногда это вижу в передачах Андрея Малахова и тогда начинаю думать: «Где он берет эти рожи? Что это за люди? Что там за лица? Кого он набирает?» Я не знаю. И когда мне кто-то говорит: «Это вся Россия такая», то я в это не верю.

Когда приехала в этот раз в Ленинград, то на вокзале внимательно смотрела на людей и, честно говоря, не всегда понимала, это наши или иностранцы, потому что все хорошо одеты, у всех какие-то другие лица, чем прежде. В общем, я вижу какое-то движение к человеческому облику, гораздо более продвинутое, чем в 70 — 80-е годы. И вообще у меня есть большая надежда на Россию как таковую, потому что в России обязательно зарождаются большие таланты, обязательно появляются новые прекрасные писатели.

— Уже сейчас в России очень сильная женская проза!

— Она действительно очень сильна, я имею в виду Дину Рубину, Людмилу Улицкую, Людмилу Петрушевскую... Так хорошо женщины никогда не писали! Жорж Санд по сравнению с вышеназванными авторами — это караул! В Советском Союзе была Вера Панова — вот она была сильная писательница, а все остальные — так себе. Сейчас же кроме очень сильной женской прозы есть и молодая проза очень интересная. Россия — это такое место, где всегда была сильная литература, всегда было сильное кино.

Беседовал Михаил АНТОНОВ, фото автора

Великий мудрец Феллини как-то сказал, словно на мой счет: «Она воспринимает жизнь не как испытание, а как благо». Действительно ведь — можно воспринимать жизнь как испытание, и тогда все плохо, и тогда «так плохо, как сегодня, мне не было никогда». А можно воспринимать жизнь как благо, и тогда: «Что может быть после жизни — какая-то ледяная пустота?» А мы сегодня живые, мы проснулись, от нас пахнет кожей, и как хорошо видеть друзей, а еще лучше не видеть их (улыбается). Всегда есть повод для радости и даже просто для покоя, но для этого надо немножко постареть. Так что если кому что в нашей жизни не нравится, старейте немножко, и скоро вам все будет хорошо.